

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 8.

СОЛЬ СУПРУЖЕСТВА.

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ НѢМЕЦКАГО

В. С. ПЕНЬКОВЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВАЛЕРІАНЪ МОРЕВЪ.

ОЛЬГА, жена его.

БОЛТУНОВЪ, дядя Морева.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ наше время.

Небольшая, со вкусомъ убранныя комната; двери посрединѣ и справа; слѣва два окна; на первомъ планѣ справа и слѣва маленькіе столы; на одномъ газеты, на другомъ книги, шитье, бѣлый носовой платокъ. Посреди комнаты столъ, накрытый скатертью; на немъ тарелки, салфетки, стаканы, рюмки и ложки для трехъ приборовъ; три стула; на заднемъ планѣ еще столъ, накрытый салфеткою, на которомъ солонка, перечница, корзинка съ ножами, вилками и ложками и графинъ съ водой и виномъ.

I.

ОЛЬГА и ДЯДЯ сидятъ у стола, читаютъ газету.

Ольга (*не входя въ комнату, останавливается у дверей и говоритъ*). Такъ слышишь-ли, Наташа, сдѣлай одолженіе не пересоли!.. Что?.. Не слышу... (*Прислушивается*). Нѣтъ, нѣтъ! Я сама накрою. (*Входитъ въ комнату, и разставляя приборы, говоритъ дядь*). Дядюшка, вы не сердитесь, что я васъ совсемъ бросила?.. Нѣтъ? Простите! Не повѣрите: хлопотъ, вотъ до-сихъ-поръ. (*Дѣлаетъ жестъ, какъ-бы говоря: выше ушей*).

Дядя (*встаетъ и кладетъ газету на столъ*). Ты не ожидала...

Ольга (*перебивая его*). Чтобъ такъ трудно было хозяйничать, хотите вы сказать?.. Правда! Но это пока, съ непривычки... Потомъ стану все дѣлать припѣваючи, потому-что я самая счастливая женщина: мужъ любить меня такъ нѣжно и искренно, онъ такъ добръ, кротокъ,—не достаетъ соли,—никогда меня не огорчить, — и перцу нѣтъ, — онъ поклялся мнѣ въ этомъ.

Дядя (*беретъ со стола солонку и перечницу и подаетъ Ольгу*). Вотъ.

Ольга. Благодарю. (*Ставитъ ихъ на столъ*). Да, да! Какъ придется самой за всемъ смотреть, по-неволь сдѣлаешься хозяйкой... Однако нечего мѣшкать!.. Валеріанъ сію минуту придетъ... Не хотѣлось-бы въ первый день замужства оказаться неисправной... (*Складываетъ салфетки*).

Дядя. Не надо-ли....

Ольга. Помочь?.. Нѣтъ, дядюшка!.. Это наше дѣло. Мужчины не должны тутъ мѣшаться... А угодно хозяйничать, извольте передникъ подвязать, и тогда ужъ, не прогнѣвайтесь, изъ числа мужчинъ вонъ!.. Экая досада!.. Салфетка не хочетъ лечь какъ надо. А ужъ я-ли не мастерица ихъ укладывать?..

Дядя. Ты, кажется, ее...

Ольга. Очень измяла, думаете вы?.. Всегда какъ-поситишншь и выйдетъ неладно... Ну!.. Наконецъ справилась. (*Беретъ графины съ водою и виномъ и ставитъ на столъ*). Госпожа водица пожалуйте къ барынѣ; винцо къ барину. (*Смотритъ на столъ*). Кажется, все хорошо?.. Однако мнѣ скучно становится безъ Валеріана.

Дядя. По настоящему, сегодня...

Ольга. Ему слѣдовало-бы дома остаться?.. Никакъ нельзя. Его служба такого рода... Еще счастье, что нынче ужъ не дѣлають визитовъ послѣ вѣнца. А то многіе закосились-бы на насъ...

Дядя. Это очень...

Ольга. Хорошо?.. Что сталь выводится этотъ глупѣйшій обычай?.. Превосходно, дядюшка, нетолько хорошо!.. Прошу покорно: на другой день свадьбы часовъ десять сряду ѣзди Богъ знаетъ зачѣмъ!.. Съ раняго утра съ лѣстницы на лѣстницу!.. Воображаю, какая мѣка!.. Насилу за умъ взялись!.. Однако чтó-жъ это!.. Нѣтъ ни ножей, ни вилокъ... (*Бѣжитъ къ столу, гдѣ стоитъ коробка съ ножами*).

Дядя. Я-бы могъ...

Ольга. Подать?.. Не безпокойтесь!.. (*Беретъ корзинку и кладетъ ножи и вилки къ приборамъ*), Вотъ я попросила-бы васъ сдѣлать одолженіе нарезать хлѣба.

Дядя беретъ хлѣбъ.

Ольга (*продолжаетъ*). Только пожалуста потолще куски; горбушку положу Валеріану: это его любимое... Не правда-ли я славная хозяйка?.. Чтó-жъ вы?.. Отчего не рѣжете?

Дядя. У меня...

Ольга. Нѣтъ ножа?.. И не спросите!.. (*Беретъ въ разсыянности изъ корзинки ложку и подаетъ ему*). Вотъ извольте, и поскорѣй, поскорѣй. Сію минуту хозяйнѣ явится. (*Относитъ коробку на задній столъ*).

Дядя (*держитъ хлѣбъ въ одной рукѣ, ложку въ другой, и смотритъ на нихъ, качая головою*).

Ольга (*продолжаетъ*). Я думаю, онъ порядкомъ проголодался. Ушелъ въ должность ровно въ одиннадцать, а теперь четверть четвертаго... Ну, вы готовы?

Дядя (*съ презрѣнемъ положеніи*). Нѣтъ, не...

Ольга. Неготовы? Отчего-жъ нѣтъ? (*Смотритъ на него, смѣясь*). Что это вы хотите ложкой-то дѣлать?.. Хлѣбъ рѣзать?

Дядя. Ты ее мнѣ...

Ольга. Сама дала? (Смѣясь). Не можетъ-быть!.. Какая раз-
сѣянность! И выходить, какъ вы говорите...

Дядя. Пофилософствуй...

Ольга. Умъ вскружится? Именно. (Беретъ изъ корзинки ножъ
и подаетъ дядю). Вотъ вамъ надлежащее орудіе. Теперь, кажет-
ся, кончено. (Смотритъ на столъ). Какъ все весело и аппетит-
но смотреть! Какъ вы думаете, понравится Валеріану?

Дядя. Можетъ-ли...

Ольга. Не понравится?.. Точно не можетъ... Вы себѣ пред-
ставить не въ состояніи, какъ онъ меня любитъ и какъ горячо я
его люблю. Мы вчера обвиняны, а еще ни малѣйшаго противорѣ-
чія у насъ не было, и никогда не будетъ, во вѣки вѣковъ...
Женщина вѣдь совсѣмъ не то, что дѣвушка...

Дядя. Ужъ и...

Ольга. Да!.. Конечно. Но я не то хотѣла сказать... Самыя
слова: «женщина», «дама» звучатъ такъ сильно, полно; тогда
какъ «дѣвушка» все какъ-то чопорно и кисло-сладко отзывается...
Сказать вамъ по правдѣ, дядюшка, я просто въ восторгѣ, что
вышла замужъ.

Дядя. Вѣсьма...

Ольга. Естественно? Не правда-ли?.. Дѣвичья жизнь—прозя-
баніе и только. Я, бывало, часто думала: какъ справедлива на-
ша деревенская пословица.

Дядя. Какая? Вѣрно: обидны...

Ольга. Да, «обидны въ полѣ горохъ да рѣпа, а въ мірѣ вдо-
ва да дѣвка...» Можетъ-ли быть что-нибудь хуже дѣвичьей
жизни во всѣхъ смыслахъ?.. Отъ-всюду гонятъ, заставляютъ по-
туплять глазки тамъ, гдѣ другія глядятъ, что называется, въ
оба; осмѣлишься заговорить, со всѣхъ сторонъ посыплется: «Фуѣ,
фуѣ! Вы этого не понимаете! Не должны понимать! Этого нель-
зя говорить! Объ этомъ могутъ разсуждать однѣ женщины!
Дѣвущкѣ неидеть!..» И часто, кто-бы вы думали дѣлаетъ замѣ-
чаніе? Какая-нибудь устарѣлая дѣва, которая сама охъ, охъ какъ
все понимаетъ и обо всемъ говоритъ, а ты ни пикни! Просто
наказаніе! Бывало, когда за чаемъ или за кофе соберутся да-
мы и всѣхъ знакомыхъ по ниточкѣ переберутъ, — не смѣешь рта
разинуть, а у самой язычекъ такъ и чешется кой про кого слов-
цо ввернуть!.. Слава Богу! Эти тяжкія времена миновались!.. На-
конецъ и я «дама»! Ужъ наверстаю-же! И какъ наверстаю! Съ

процентами!.. Къ первому собранію приготовленъ у меня богатый запасъ прекурбозныхъ исторій; я давно ихъ собирала. Да-съ, милый дядюшка, цѣлая тетрадь. Хочу со славой вступить на это поприще!.. Всѣхъ затмить!..

Дядя (*качал головой*). Женщина...

Ольга. Счастливейшее созданіе въ мірѣ... Безъ сомнѣнія. Никто этого не чувствуетъ такъ живо, какъ я... И знаете-ли: есть еще причина, почему я рада, что такъ скоро, какъ говорятъ натуралисты, превратилась изъ куколки въ бабочку... Потому что многимъ моимъ пріятельницамъ придется прикусить языкъ, и изъ нихъ дюжинка засидѣвшихъ кандидатокъ, я думаю, со вчерашняго вечера пожелтели и позеленѣли съ досады.

Дядя. Какъ можно такъ...

Ольга. Говорить про пріятельницъ? Знаю я ихъ насквозь!.. Немало натерпѣлась въ дѣвушкахъ... (*Подражая различнымъ голосамъ*). «Ольга Волгина», говоритъ Средневъ своей дочери, «прескромная, преумная, премилая дѣвица. Ты должна съ нея примѣръ брать». (*Женскимъ голосомъ*). «Скромна она только при чужихъ, а посмотрѣли-бы вы на нее въ другое время». «Ольга Волгина, душечки мои, глупа, какъ куриное яйцо», шипитъ Скоблѣкова: «ничего не смыслить; не то, что моя племянница: та самую трудную науку—литературу знаетъ»... «Какъ хочешь хвали, а ни одинъ цортъ на ней не зенится: очень некстати зива», картавитъ Цыпкина. «Начнетъ острить такъ, даже самымъ близкимъ роднымъ пощады нѣтъ», прищѣкаетъ Хрѣнская. «Ужъ не говорите: просто чудовище! Дивлюсь я, что Федоръ Иванычъ нашелъ въ ней примѣрнаго», визжитъ Фурова... Это все пріятельницы: а посмотрѣть, такъ безъ-памяти меня любить... А вотъ «чудовище»-то и замужемъ, а «идеалы» еще у моря погоды ждутъ!

Дядя. Ты не должна однако...

Ольга. Этимъ гордиться, хотите вы сказать? Нисколько не горжусь. Все-же очень рада, что я въ чепчикъ, а онъ — нѣтъ. Если-бы вы видѣли, какъ всѣ головы повѣсили, когда объявлено было, что я невѣста... Боже мой! Блѣднѣли, краснѣли, сплнѣли, пожимали плечами, шептали, шипѣли... Три недѣли только и было слышно: «Какъ?.. Неужели?.. Вотъ что! Можетъ-ли быть?.. Право?.. Недурно!.. Бѣдный Моревъ!.. Погоди, напляшешься!..» И до вчерашняго дня все убаюкивали себя пріятной мечтой, что свадьба разстроится... Постой-же! Я отомщу!.. Цѣлые три мѣ-

сяца не сниму чепца!.. Смотрите на него!.. Хуже этого ничего для васъ придумать нельзя!..

Дядя. Между-прочимъ, скоро...

Ольга. Половина четвертаго?.. Что-жъ это Валеріана нѣтъ... Гдѣ онъ?.. Сказалъ: въ два часа непременно приду... Какъ-бы супъ не простылъ?.. Я буду въ отчаяніи, если первый обѣдъ не удастся... Схожу въ кухню... Между-тѣмъ вы, дядюшка, смотрите въ окно, и какъ увидите Валеріана, закричите мнѣ. (*Убѣгаетъ*).

II.

ДЯДЯ. МОРЕВЪ.

Дядя (*глубоко вздыхаетъ*). Уфъ!.. Наконецъ-то удастся мнѣ слово вым...

Моревъ (*быстро входитъ, съ тростью и связкой бумагъ*). Вотъ и я здѣсь!.. Здравствуйте, дядюшка!.. Гдѣ-жъ жена?.. Вѣрно хозяйничаетъ?

Дядя. Да, ты...

Моревъ. Заставилъ себя долго ждать?.. Знаю, знаю!.. Предосадно!.. Но нельзя было раньше отдѣлаться...

Дядя. Тебя...

Моревъ. Слѣдовало-бы наказать за неточность, думаете вы?.. Да если я невиновать?..

Дядя. Она ужъ...

Моревъ. Начала скучать?.. Ахъ, и мнѣ было невесело!.. (*Зоветъ*). Жена!.. Ольга!..

III.

ПРЕЖНИЕ, ОЛЬГА.

Ольга (*вбѣгал*). Валеріанъ!.. (*Бросается къ нему въ объятія*). Слава Богу!.. Милый, гадкій человекъ!.. Заставить такъ долго ждать себя!.. И когда-же?.. Въ первый день послѣ свадьбы?.. Куда какъ красиво!.. Поди!.. я сердита на тебя!..

Моревъ. Неужели?.. Сутокъ не прошло, какъ мы обвѣнчаны, и ты ужъ сердита?..

Ольга. Ну, перестань!.. Въдь ты очень хорошо знаешь, что я не умѣю сердиться... Но надо-же хоть пострадать васъ!..

Моревъ. О плутовка!.. (*Хочетъ ее обнять, но палка и бумаги и мѣшаютъ*).

Ольга. Нельзя-ли бросить эту несносную палку и бумаги?

Моревъ. Очень можно!.. Дядюшка, здѣсь между-прочимъ рѣше-

не по вашему дѣлу: вы выиграли... (Бросаетъ палку и бумаги и обнимаетъ Ольгу). Мой милый, добрый другъ!

Дядя. Это чудесно!.. (Хочетъ поднять дѣла и трость, но по причинѣ толстоты, не въ состояннй будучи согнуться, падаетъ на колѣна, въ то время, какъ Моревъ обнимаетъ Ольгу, и умильно улыбаясь, глядитъ на нихъ). Очень радъ...

Моревъ. Что процессъ счастливо кончился? Я думаю! (Обнимая Ольгу). Не правда-ли, дядюшка, у меня завидная женочка?

Дядя (киваетъ головою, ухмыляясь). Хмъ!

Ольга. И мужъ мой пречудесный? Да, дядюшка?

Дядя (киваетъ, ухмыляясь). Хмъ!

Ольга (дядѣ). Однако, что-жъ это вы дѣлаете? Въ чемъ провинились?

Моревъ. Въ-самомъ-дѣлѣ!.. Въ разсѣяннй я и не замѣчаю, что вы на колѣнахъ.

Дядя (пробуетъ встать, но не можетъ, потому-что обѣ руки заняты). Не могу...

Ольга. Встать? Бѣдняжечка! Позвольте, я помогу.

Моревъ. Вставайте! (Оба помогаютъ ему).

Дядя (отдуваясь). Уфъ! Слава Богу! Давно уже не приводилось мнѣ...

Моревъ. Стоять на колѣняхъ? Это очевидно!..

Ольга. Не горюйте! Сию минуту будете награждены!..

Моревъ. Первымъ объдомъ молодой хозяйки.

Ольга. Боюсь, понравится-ли онъ тебѣ?

Моревъ. Сомнѣваться въ этомъ было-бы величайшимъ преступленіемъ. У тебя примѣрный вкусъ.

Ольга. Право?

Моревъ. Конечно. (Указывая на себя). Ты доказала его, выбравъ меня въ мужья.

Ольга. О фатъ!.. Этого достоинства я за вами не замѣчала!..

Моревъ. Увы!; Хоть разъ въ жизни всякому доводится быть фатомъ!.. Между-прочимъ не худо-бы повѣсть?.. Я голоденъ, какъ десять волковъ!..

Ольга. Самъ виноватъ. Зачѣмъ не пришелъ раньше?

Моревъ. Не могъ, мой ангелъ! Докладъ былъ преогромный.

Ольга. Пустышная причина!.. Еслибъ ты былъ благоразуменъ, сказалъ-бы министру или, какъ тамъ его зовутъ, начальству своему: «Господннъ министръ, нельзя-ли поскорѣй? Мнѣ надо

домой; я вчера женился, и жена ждетъ объдаться? Давно-бы ваше засѣданіе кончилось; и ты не былъ-бы теперь голоденъ...

Моревъ. Душа моя, съ министрами такъ не разговариваютъ ..

Ольга. Да когда вѣсть хочется? Неужели молчать?.. Я тебя говорю: если объѣд испортится (*уходя*) на себя пеняй!..

IV.

ДЯДЯ, МОРЕВЪ.

Моревъ. Прелесть, что за женщина?.. А?.. Правда?.. Сказать не могу, какъ я ее люблю!.. Просто въ глаза ей смотрю!.. Но довольно вамъ держать эти вздоры. Бросьте ихъ!..

Дядя. Не знаю...

Моревъ. Гдѣ ихъ мѣсто? Ихъ потомъ отнесутъ, куда слѣдуетъ, положите пока здѣсь. Вы вѣдь извѣстный врагъ лишнихъ движеній... (*Беретъ у него трость и бумаги и кладетъ на столъ*).

Ольга (*кричитъ изъ-за двери*). Отворите, отворите! Супъ несутъ.

Моревъ (*бросается къ двери и отворлетъ ее*). Дядюшка, слышите: супъ несутъ.

Дядя (*ухмыляясь*). Супъ? (*Подходитъ къ столу и повязываетъ салфетку*).

V,

Прежніе, ОЛЬГА, съ миской супа.

Ольга. Какъ-же горячъ! (*Ставитъ миску на столъ*).

Моревъ. Однако, мой ангелъ, можно-бы распорядиться, чтобы Наташа или Сергѣй подавали.

Ольга. На этотъ разъ позволъ сдѣлать исключеніе!

Моревъ. Это что значитъ?

Ольга. Мнѣ такъ хочется.

Моревъ. Оно, положимъ, чрезвычайно уважительная причина, но все пусть лучше люди подаютъ... Пожалуста!

Ольга (*подражая ему*). Съ большимъ удовольствіемъ, Валеріанъ Ильичъ!

Моревъ (*дядь*). Дядюшка! А вѣдь прелесть, что за жена!

Дядя (*ухмыляясь*). Хмъ!

Ольга. Садитесь! Ты направо, дядюшка нальво; я здѣсь.

Моревъ (*садясь*). Именно: самый дорогой брилліантъ посреднѣйшей короны...

Ольга (*наливъ тарелку супа*). Брилліантъ изъясняетъ совершеннѣйшую благодарность (*иллюстративно улыбаясь, гладитъ Морева*

по головъ) своей коронъ... (Подаетъ ему тарелку). Неудбно-ли?.. Дядюшка, извините, что я подаю ему прежде: известное дѣло, хозяинъ дома.

Дядя (киваетъ). Хмъ!

Моревъ. Вотъ какъ! Клѣчки!

Дядя (при словъ «клѣчки», ухмыляясь, заглядываетъ въ миску).

Ольга. Что-жъ удивительнаго? Твой любимый супъ. (Подаетъ дядю). Покорно прошу!

Моревъ. Нѣтъ, дядюшка. Каково вниманіе-то!.. Внимательность-то какая!.. А?..

Дядя (киваетъ). Хмъ!

Моревъ. Ты, просто, украшеніе всего женскаго пола!

Ольга (наливъ себѣ супу). Все это ради клѣцокъ?

Моревъ. Нѣтъ, и безъ клѣцокъ, клянусь честью!.. Ай да супъ!

Ольга. Нравится тебѣ?

Моревъ. Чрезвычайно!

Ольга. И клѣчки?

Моревъ. Какъ нельзя больше!

Ольга. Стало вы очень довольны?

Моревъ (глотаю ложку супу). Блаженствую!

Ольга. Слѣдовательно наша жизнь будетъ постоянно подобіемъ земнаго рая? Да?

Моревъ. Какъ-же иначе? (Ѣтъ).

Ольга. Ты меня будешь вѣчно любить?

Моревъ. Еще и дольше. (Ѣтъ)

Ольга. Никогда не изменишь?

Моревъ (смотритъ на нее нѣжно) Никогда! Я поклялся тебѣ А мы, мужчины, умѣемъ держать слово.

Дядя (крадетъ у него одну клѣчку).

Ольга. И никогда не будетъ между нами ни малѣйшей ссоры?

Моревъ. Разумвется.

Ольга (наклоняется черезъ столъ и хочетъ облить Моревъ). Мой милый, добрый. (Опрокидываетъ солонку и въ ужасѣ вскрикиваетъ). Ай, ай, ай! Боже милосердый!..

Моревъ (въ испугъ вскакиваетъ). Что съ тобою, мой другъ?

Дядя (тоже встаетъ и смотритъ на Ольгу съ испуганнымъ видомъ).

Ольга (трепещетъ). Ахъ! Смерть моя—

Моревъ (съ большимъ участіемъ). Скажи-же, мой другъ, что такое? Отчего ты такъ поблѣднѣла?

ОЛЬГА (*прижавъ обѣ руки къ сердцу*). Я ужасно испугалась... Не могу опомниться...

МОРЕВЪ. Да что-же, наконецъ, съ тобою?

ОЛЬГА (*въ совершенномъ изнеможеніи*). Это... ахъ... милый Валеріанъ... ахъ... (*Жалобно*) посмотри — солонка — (*) солонку опрокинула.

МОРЕВЪ (*успокоенный*). Солонку, только-то? (*Садится*).

ДЯДЯ (*пантомимой выражаетъ слова: «только-то», садится и продолжаетъ пѣть*).

ОЛЬГА (*очень огорченная*). Довольно и этого! А то было-бы уже слишкомъ!

МОРЕВЪ. Судя по твоему крику, я, право, думалъ, что покрайней мѣрѣ, тебя змѣя ужалила.

ОЛЬГА (*почти со слезами*). Смѣйся!.. Тебѣ любо!.. (*Смотря съ горестью на солонку*). Вотъ она лежитъ. (*Бьетъ себя по головѣ*). Нѣтъ! Быть такой глупой...

МОРЕВЪ (*уговаривая ее*). Милый другъ, какъ можно отъ солонки... (*Всыпаетъ соль пожемъ въ солонку*).

ОЛЬГА (*перебивая его*). Ахъ, Валеріанъ, ты не знаешь: это величайшее несчастье, какое только можетъ случиться съ молодой женщиной. Теперь непременно будетъ ссора.

МОРЕВЪ (*смѣясь*). И не одна, а десять... А до-тѣхъ-поръ садись и кушай!

ОЛЬГА (*очень огорченная*). Да...

МОРЕВЪ. Солонка можетъ нарушить наше счастье! Это умора!.. Советую тебѣ посмѣяться и больше объ этомъ не думать.

ОЛЬГА. Не думать? И рада-бы, да не могу. Маменька часто говаривала: если опрокинуть солонку, такъ навѣрно будетъ ссора.

МОРЕВЪ. Маменька шутила, а ты и повѣрила.

ОЛЬГА. Нѣтъ, мой добрый Валеріанъ, маменька никогда не шутила серьезными вещами.

МОРЕВЪ. Тѣмъ лучше!.. Но бросимъ этотъ разговоръ. Кушай! Твой супъ, я думаю, простылъ, — позволю, подолью горячаго. (*Беретъ ея тарелку*).

ОЛЬГА. Смотри, опять не опрокинь солонки.

МОРЕВЪ (*наливая супъ, кротко и съ улыбкой*). Не безпокойся! Я нѣтакъ пеловокъ.

(*) Солонку слѣдуетъ опрокинуть такъ, чтобъ зрители этого не замѣтили и чтобы внезапный испугъ Ольги оставался въ первое время необъяснимымъ.

ОЛЬГА (смотритъ на него пристально, въ изумленіи). Неловокъ?

МОРЕВЪ (ставя терелку передъ Ольгою). Кушайте на здоровье.

Дядя (подаетъ свою тарелку). Мнѣ.

МОРЕВЪ. Тоже еще хочется? Сю минуту.

ОЛЬГА. Позвольте! (Наливая дядь). Это мое дѣло.

МОРЕВЪ (смѣясь). Не взять-ли солонку прочь?

ОЛЬГА. Еще насмѣхается! Очень мило! (Садится).

МОРЕВЪ. Я шучу, мой ангельчикъ!

Дядя (въ-продолженіе всей этой сцены только пантомимами выражаетъ свое участіе въ происходящемъ, продолжалъ спокойно пить и по временамъ подливала себѣ супу).

ОЛЬГА. Очень некстати! Съ-тѣхъ-поръ, какъ соль и солонки на свѣтъ, милліонъ разъ доказано, что если солонка опрокидывалась...

МОРЕВЪ (перебивая ее). Такъ соль просыпалась?

ОЛЬГА (съ нѣкоторой досадою). Нѣтъ-съ! Такъ происходила ссора.

МОРЕВЪ. Успокойся, дитя мое, и кушай!

ОЛЬГА (вздыхая). Кушай! (Беретъ ложку и опять кладетъ ее). Не могу я кушать!

МОРЕВЪ (только что поднесъ ложку ко рту). Это отчего?

ОЛЬГА (уныло). Смѣйся или нѣтъ, но я не въ силахъ забыть несчастной солонки.

МОРЕВЪ (смѣясь, наливаетъ вина). Сдѣлай по моему: потопи въ винѣ и (драматически) запей грустное воспоминаніе! (Пьетъ).

ОЛЬГА. Право, это было-бы ужасно, еслибъ мы въ первый день послѣ свадьбы поссорились!

МОРЕВЪ (успокаивая ее). Не бойся, душа моя, ничего не сдѣлается! Мы любимъ другъ-друга, какъ нельзя больше: ссоры у насъ, ужъ сказано, никогда не будетъ... (Весело). Я терпѣливъ, какъ агнецъ, если не больше; ты тоже кротка, какъ...

ОЛЬГА (быстро). Овца?

МОРЕВЪ. Моя миленькая овечка! (Хочетъ взять ее за руку).

ОЛЬГА (отдергивая руку). Оставьте! (Принужденно улыбаясь). Дѣйствительно я—овца, если могла остаться совершенно спокойною, когда вы изволили назвать меня «неловкой».

МОРЕВЪ. Совершенно спокойной?

ОЛЬГА. И нисколько не огорчилась.

МОРЕВЪ. Да не было причины. Слово «неловокъ» относилось

ко мнѣ... Кушай, кушай, душа моя!.. Повѣрь, исторія солонки болѣе остроумна, чѣмъ основательна.

ОЛЬГА (*быстро*). Нѣтъ, Валеріанъ! Я буду спорить: очень основательна! Маменька все время, какъ была замужемъ, испытывала это каждую недѣлю два раза: какъ опрокинется солонка— такъ и ссора.

МОРЕВЪ (*разстроенный*). Милый другъ, это случайность.

ОЛЬГА (*поспѣшно*). Вздоръ! На свѣтъ нѣтъ случайностей!

МОРЕВЪ (*кратко*). Ахъ, Олинька, брось-же наконецъ глупости!

ОЛЬГА (*недовольная*). Глупости? Выраженіе это здѣсь не у мѣста!

МОРЕВЪ. То-есть, я полагаю.

ОЛЬГА. Безъ объясненій!.. Или вы считаете меня ужъ круглой душой.

МОРЕВЪ (*въ огорченіи кладетъ ложку*). Однако, Ольга, ты право несносна.

ОЛЬГА. Ужъ и несносна? Покорнѣйше благодарю!.. Солонка недаромъ опрокинулась... А? Что я говорила?

МОРЕВЪ (*Не въ силахъ долѣе удерживаться, вскакиваетъ*). Замолчи-же ты наконецъ съ своей солонкой!

ОЛЬГА (*тоже вскакиваетъ и остаетъ на мѣстѣ*). Не хочу!

МОРЕВЪ. Но я хочу, душа моя!

ОЛЬГА. А я не сдѣлаю по вашему!

МОРЕВЪ. Вы должны слушаться мужа?

ОЛЬГА. Съ чего вы это взяли? Не тѣ времена!.. Меня учили: «диктаторскимъ приказаніямъ отнюдь не повиноваться»!

МОРЕВЪ (*всплескиваетъ руками*). Я-ли это слышу?.. Ты-ли та кроткая, тихая Ольга?..

ОЛЬГА. Ты-ли тотъ добрый, снисходительный Валеріанъ?..

МОРЕВЪ (*въ ярости*). Да! Я имъ былъ, имъ и остался!

ОЛЬГА. И я тоже. Но маменька говорила: если солонка опрокид...

МОРЕВЪ (*виль себя, схватываетъ графинъ съ водой*). Когда-же ты перестанешь?.. Или до конца хочешь насолить мнѣ?.. Маменька твоя, мой другъ, старая, суевѣрнаа женщина.

ОЛЬГА. Неправда, мой ангель.

МОРЕВЪ. Провинціалка, недалняго ума.

ОЛЬГА (*вспыльчиво*). Слышите, неправда!

МОРЕВЪ. Правда, правда!.. Тысячу разъ правда!.. (*Бьетъ графинъ объ столъ и разбиваетъ*).

ОЛЬГА (*вскрикиваетъ*). Ай, ай, ай!.. (*Бѣжитъ отъ стола*).

Дядя (*вскакивая въ ужась*). Что вы? что вы? Что съ вами?.. (*Остается недвижимъ у стола*).

Моревъ (*бѣгая въ ярости по авансценѣ*). Это невозможно!.. Это выше силъ!.. Тутъ самую смирную овечку превратятъ въ тигра, въ тысячу волковъ!..

Ольга (*въ глубинѣ сцены*). Несчастливая солонка!

Моревъ (*останавливается*). О! съ какимъ наслажденіемъ истребилъ-бы я всю соль и всѣ солонки на свѣтъ! (*Опять бѣгаетъ*).

Ольга (*приходитъ на авансцену и тоже бѣгаетъ кругомъ*). Это неслыханно!.. Такъ вести себя!.. Кто повѣрить, что мы вчера обвинчаны?..

Моревъ. Да!.. Вчера рай.

Ольга. А сегодня—адъ!

Моревъ. Вчера ангель.

Ольга. Да!.. А сегодня—чортъ!

Моревъ (*бьетъ себя по лбу*). О, я безумный!

Ольга (*бьетъ себя по лбу*). Была-же глупость — увлечься!.. (*Посреди сцены сходятся и останавливаются*).

Моревъ (*Ольга*). И по-дѣломъ мнѣ!.. Не женись на суетврной дѣвушкѣ!

Ольга (*Валеріану*). Всегда такъ случается, если сунешься за полувѣря. (*Расходятся и снова бѣгаютъ*).

Моревъ. Вы сами не знаете, что говорите, сударыня!

Ольга. Очень знаю: что вы понятія не имѣете о деликатности!

Моревъ (*бѣжитъ за Ольгою*). Вы...

Ольга (*быстро оборачиваясь къ нему*). Нѣтъ, это вы.

Моревъ. Вы сущая фурія!

Ольга. А вы настоящій демонъ!

Моревъ. А кто меня имъ сдѣлалъ?

Ольга. А меня?

Моревъ и Ольга. Вы, одни вы! (*Расходятся*).

Моревъ (*ярко*). Пусть кто хочетъ разсудить, нодаль-ли я хоть малѣйшій поводъ къ ссорѣ?.. Меня вынудили!.. Будь какъ хочешь терпеливъ и снисходителенъ, все-таки сдѣлаешься пороховой бочкой, если тебѣ то и дѣло тычуть подѣ носъ зажегшую сѣринку!.. (*Бѣжитъ въ глубину сцены*).

Ольга (*выходя изъ глубины сцены*). А я ссылаюсь на весь міръ: можно-ли быть еще кротче и благоразумнѣе?.. Меня раздражили постояннымъ противорѣчіемъ, насаждали мнѣ величайшихъ грубостей... (*Съ плачевной миной*). И я все спокойно

перенесла, все стерпѣла!.. Развѣ моя вина, что всегда бываетъ ссора, если просыплють солонку.

МОРЕВЪ (*бросается впередъ и кричитъ*). Ни слова больше про солонку!.. Слышите-ли вы?.. Ни полслова, чортъ возьми!..

ОЛЬГА (*вскрикиваетъ, убѣгая нальво*). Ай, ай!.. Смерть моя!.. (*Упадаетъ въ изнеможеніи въ кресло*). Умираю!..

МОРЕВЪ (*бросается направо въ кресло*). Я ужъ умеръ!

ОЛЬГА (*быстро приподилвшись, ильво*). Варваръ! (*Опять падаетъ въ кресло*).

МОРЕВЪ (*также быстро приподилвшись*). Тиранка! (*Падаетъ въ кресло. Молчаніе*).

ДАДА (*все время стоявшій въ оцѣпненіи у стола, обращается къ нимъ и говоритъ привѣтливо*). Я полагаю, убратъ супъ.

ОЛЬГА (*чуть слышно*). Убратъ.

МОРЕВЪ (*отрывисто, почти про себя*). Убратъ.

ДАДА (*уходитъ*)..

VI.

МОРЕВЪ, ОЛЬГА.

МОРЕВЪ (*въ безпокойствѣ вертится на креслѣ*). Славное начало!.. Только со мной это и могло случиться!.. Рано-же вы, сударыня, сняли маску!.. Стало—все хорошее въ васъ было—одно притворство?.. (*Встаетъ*). Вотъ изволь, понадѣйся на нихъ!.. Въ дѣвицахъ всѣ онѣ — горлицы!.. А какъ обмѣнялись колечками — голубка и порхъ!.. улетѣла!.. Явилась гienна — и бѣдному обманутому мужу остается одно: завести звѣринецъ—входъ двадцать пять копеекъ серебромъ, дѣти платятъ половину; кормленіе начинается — вотъ хоть примѣрно — въ половинѣ четвертаго... (*Гильво*). Есть отъ чего съ ума сойти!.. (*Быстро ходитъ вдоль сцены*).

ОЛЬГА. Спорить съ вами значило-бы — время терять!.. На ваши милыя слова отвѣта не получите, потому-что я—женщина!.. (*Едва удерживая рыданія*). Такого обращенія никогда я отъ васъ не ожидала!.. Всегда такъ, если выйдешь замужъ, очерта голову!.. (*Все громче и громче рыдаетъ и заливается слезами*). Женихами общаются все на свѣтъ — на рукахъ носить—жизнь сдѣлать раемъ—вътерку не дать подуть — а послѣ — свадьбы — все кончено — отъ рая осталась — одна змѣя — малѣйшая глупость—и вспыхнули—стоитъ—опрокинуть сол—

МОРЕВЪ. Опять солонка!.. Хе!.. Съ ума надо сойти! (*Въ отчаяніи начинаетъ пѣть*):

«Уймитесь волненія страсти»
и повременамъ стучитъ палкой въ полъ).

ОЛЬГА. Пойте, пойте! Такъ и слѣдустъ, когда жена плачетъ!
(*Все сильнѣе и сильнѣе плача*). Вы—извергъ—обманули меня!
Бѣднаго, невиннаго ребенка!.. Я... Ахъ Боже мой, Боже мой!
Не могу!.. Все кончено!.. (*Опирается локтями на столъ и за-
крываетъ обѣими руками и платкомъ глаза*). (*Молчаніе*).

МОРЕВЪ (*оборачивается, смотритъ на Ольгу*). Плачетъ, горь-
ко плачетъ... Въдь я, пожалуй, неправъ? (*Дѣлаетъ шагъ къ
Ольгѣ*). Крутовато поступилъ. (*Останавливается*). Вздоръ,
чортъ возьми! Я былъ еще очень снисходителенъ! Не въ чемъ
меня упрекнуть! (*Бросается въ кресло*). Ну кто могъ предви-
дѣть? Пришелъ домой въ самомъ шелковомъ расположеніи ду-
ха... сунъ... клѣчки... все такъ прекрасно шло... а теперь
(*Опирается головой на руку и задумывается*).

ОЛЬГА (*поднимаетъ медленно голову и смотритъ на Мореву*).
Задумался... Вѣрно хочеть прощенья просить?

МОРЕВЪ. Однакожь. (*Оборачивается къ Ольгѣ*).

ОЛЬГА (*Быстро закрываетъ глаза платкомъ и громко пла-
четъ*). Ахъ я не-счаст-ная!

МОРЕВЪ. Право мнѣ ее жаль.

ОЛЬГА (*Смотритъ украдкой на Мореву, который этого не
примѣчаетъ, и говоритъ будто про себя, но такъ, чтобъ Мо-
ревъ слышалъ*). Ой! Спазмы начинаются.

МОРЕВЪ (*вспрыгнувъ, про себя*). Спазмы?.. Все-равно! (*Бро-
сается въ кресло*). Не уступлю ни на шагъ! Разъ поддайся, такъ
на вѣкъ пиши пропало! (*Задумывается*).

ОЛЬГА (*про себя*). Глухъ онъ, что-ли? (*Смотритъ украдкой
на Мореву*). Опять задумался. Вѣрно жалеть, что огорчилъ
меня... Лучше я... (*Быстро отворачивается*). Ни за что на свѣ-
тъ! Допустить такую слабость,—тогда прощай моя волюшка!

МОРЕВЪ (*смотритъ украдкой на Ольгу*). Пусть сама подойдетъ,
а я ужъ никакъ не тронусь. (*Отворачивается*).

ОЛЬГА (*оборачивается къ Мореву*). Если онъ будетъ сидѣть,
я ни за что не встану. (*Отворачивается и плачетъ*). Охъ, моя
горькая участь!

МОРЕВЪ. Однако не мѣшало-бы прекратить эту музыку — (*Ве-
ретъ газету и держитъ ее далеко отъ себя, смотря въ нее
безсмысленными глазами*). Что тутъ такое?

ОЛЬГА (*смотря на Мореву*). Никкакъ читать вздумаль?.. О! И я могу. (*Береть книгу*).

МОРЕВЪ (*читаетъ*). «Передается дача, состоящая изъ восемнадцати комнатъ, большаго сада и прудовъ, за весьма сходную цѣну, ибо домъ весь течеть, по совершенной гнилости, продуваетъ насквозь, топить нельзя и жить въ немъ нѣтъ возможности, даже и летомъ...» Что за вздоръ! (*Оборачивается и смотритъ на Ольгу*). Каково!.. Она, кажется, и не думаетъ подойти!.. (*Отворачивается и продолжаетъ читать про себя*).

ОЛЬГА (*читаетъ*). «Любите самага себя,
Почтенный, милый мой читатель;
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.»

Ахъ! Это горькая—но, къ сожалѣнію, совершенная истина! (*Береть другую книгу*).

МОРЕВЪ (*читаетъ*). «Подозрительный образъ дѣйствій Англичанъ...» Ужасно скучно! (*Бросаетъ газету*).

ОЛЬГА (*читаетъ*). Онъ видить—это не притворство,
Не шутки,—что ни говори—
А просто—женское упорство,
Капризы, чортъ ихъ поберп!

Какъ-будто у нихъ нѣтъ капризовъ! Противный Лермантовъ! Не хочу больше читать! (*Бросаетъ книгу*).

МОРЕВЪ (*громко вздыхаетъ*). Ахъ!

ОЛЬГА (*также*). Охъ!

МОРЕВЪ (*оборачиваетъ голову къ Ольгѣ*). Какъ?

ОЛЬГА (*оборачиваясь къ Мореву*). Что?

ОБА (*отворачиваясь другъ отъ друга*). Ничего!

МОРЕВЪ (*про себя*). Обернулась таки!

ОЛЬГА (*про себя*). Кажется, надумался.

МОРЕВЪ (*про себя*). Сію минуту подойдетъ.

ОЛЬГА. Наверно бросится къ ногамъ моимъ. (*Молчаніе*).

ОЛЬГА. Эпчихъ! (*Чихаетъ*).

МОРЕВЪ (*спокойно*). На здоровье!

ОЛЬГА (*колко*). Благодарю.

МОРЕВЪ (*про себя*). Взгляни только весело—въ мгнъ помирюсь.

ОЛЬГА (*про себя*). Скажи онъ хоть слово ласковое—ей Богу сейчасъ прощу.

МОРЕВЪ (*про себя*). Нѣтъ! Хочеть поставить на своемъ!

ОЛЬГА (*про себя*). Вотъ упрямъ-то!

ОБА. Однакожь, какъ можно ошибаться! (*Молчаніе*).

МОРЕВЪ (*медленно оборачивается вмѣстѣ съ кресломъ, и садится прямо противъ Ольги*). Да, да...

ОЛЬГА (*смотритъ на Морева*). Ага! Наконецъ... (*Быстро отвращивается отъ Морева и смотритъ въ окно*).

МОРЕВЪ. Опять оглянулась...

ОЛЬГА (*встаетъ и кланяется въ окно*).

МОРЕВЪ (*сидя, протягиваетъ голову и смотритъ въ окно*). Кто это тамъ?

ОЛЬГА (*колко*). Никого и ничего.

МОРЕВЪ. Однакожь — кланялись — улыбался...

ОЛЬГА (*спокойно*). Да, Поль прошелъ.

МОРЕВЪ (*быстро встаетъ, но остается на мѣстѣ*). Поль? Какой Поль?

ОЛЬГА. Поль Бѣлкинъ. Поклонился—надо было отвѣчать.

МОРЕВЪ. Вотъ какъ! Это тотъ кузенъ, что не въ мѣру благоволилъ къ намъ?

ОЛЬГА. Къ намъ?.. Едва-ли!.. Впрочемъ, что-жь дурнаго?

МОРЕВЪ (*вспыльчиво*). Кажется—(*Спокойнѣе*) теперь можно-бы ему запретить.

ОЛЬГА (*садится*). Можно, если угодно —

МОРЕВЪ (*садится*). Вообще женщина не должна всѣмъ и каждому кланяться...

ОЛЬГА. Чувствительно обязана за наставленіе! (*Обарачивается съ кресломъ такъ, что приходится ей сидѣть прямо противъ Морева. Молчаніе. Оба смотрятъ неподвижно другъ на друга*).

МОРЕВЪ (*едва слышно*). Ольга!

ОЛЬГА (*также*). Что?

МОРЕВЪ. Долго-ли мы такъ просидимъ?

ОЛЬГА. Не знаю.

МОРЕВЪ (*вскакиваетъ, но остается у кресла*). Мнѣ страшно надоело.

ОЛЬГА (*вставая*). Я тоже ужъ устала —

МОРЕВЪ. Право, мы настоящія дѣти —

ОЛЬГА. Я — нѣтъ.

МОРЕВЪ (*Ласково и медленно*). Приди ко мнѣ.

ОЛЬГА (*подражая пѣнію въ Робертъ*). Подойди ко мнѣ! Какъ-бы не такъ! Приди ты ко мнѣ.

МОРЕВЪ. Развѣ я началъ?

ОЛЬГА (*быстро*). И не я. Сол...

Моревъ (прерывая ее). Ради Бога, оставь солонку въ покоѣ!
(Машитъ ее). Ну, подойди...

Ольга. Не хочу.

Моревъ. Сдѣлай первый шагъ. Я—не могу—не долженъ—

Ольга. Я—тѣмъ меньше. (Топомъ поученіа). «Мужъ во всемъ хорошемъ обязанъ подавать женѣ примѣръ.»

Моревъ. Такъ, такъ!.. По-крайней-мѣрѣ, встрѣтимся на пол-дорогѣ.

Ольга. Противъ разумаго предложенія ни полслова!

Оба (Идутъ медленно и на срединѣ сцены сходятся).

Моревъ (хочетъ взять Ольгу за руку; Ольга ее отдергиваетъ).

Моревъ (нѣжно). Олинька!

Ольга (не смотря на него). Что тебѣ?

Моревъ. Взгляни на меня.

Ольга (смотритъ на него). Ну!

Моревъ. Нестакъ серьезно, улыбнись, чуть-чуть— ну! Вотъ такъ! Нѣтъ! Да, да! (Беретъ ее за руку). Прелесть моя!

Ольга (бьетъ его по руцѣ). Довольны вы?

Моревъ (бросается къ ногамъ ея). Мой добрый, милый другъ?

Ольга (съ восхищеніемъ). Вотъ это прекрасно, Валеріанъ, пре-
благородно!.. Всегда надо сознаваться въ своей винѣ.

Моревъ (изумленный). Въ винѣ?

Ольга (дастъ ему руку). Я тебя прощаю.

Моревъ. Прощаешь?

Ольга. Отъ всего сердца.

Моревъ. Какъ ты добра! (Цѣлуетъ ея руку и встаетъ). А
вѣдь я вовсе не виноватъ, мой ангельчикъ!

Ольга (поучительно). Конечно! Я и прежде говорила, что не
опрокинь я...

Моревъ (быстро перебивая ее). Конечно, конечно! Кругомъ
виноватъ! (Всторону). Что прикажете дѣлать?. (Ольгѣ) Стало
миръ?

Ольга. Совершенный!

Моревъ (протягивая къ ней руку). И все забыто?

Ольга. Все!

Моревъ (обнимаетъ ее весело). Ура!.. Значитъ, все пойдетъ по
старому?.. Да?.. Ссоры никогда больше не будетъ?..

Ольга (нѣжно). Никогда, мой милый Валеріанъ. (Прерывая
эту фразу, быстро). И я не виновата въ сегодняшней. Со-
лонка —

Моревъ (быстро прерывая ее, съ принужденнымъ смѣхомъ).

Да, да! Знаю!.. Пойщемъ лучше дядюшку. Гдѣ онъ запропастился?

Ольга. Мнѣ казалось, онъ пошелъ приказать убрать супъ.

Моревъ. И мнѣ казалось.

Ольга. Онъ вѣдь не слыхалъ нашего спора?

Моревъ. Боже сохрани! Развѣ это было такъ громко?.. (*Моревъ идетъ къ одной двери, Ольга, къ другой*).

Оба (зовутъ). Дядюшка! Петръ Ивановичъ!

Моревъ (смотритъ за дверь). Здѣсь его нѣтъ.

Ольга (смотритъ въ дверь). Вотъ онъ!.. Дядюшка, велите нести жаркое и идите сюда!

Моревъ. Скорѣй!.. У насъ все въ порядкѣ, все хорошо и прекрасно. (*Беретъ Ольгу за руку*). Мы счастливы.

Ольга. Блаженствуемъ!.. Теперь сдѣлай милость, Валеріанъ, посмотримъ вмѣстѣ въ окно.

Моревъ. Зачѣмъ, моя душа?

Ольга. Мнѣ хочется побѣснить нашимъ счастіемъ сосѣдей напротивъ; тамъ живетъ моя бывшая пріятельница. (*Открывая окно*). Поди-же.

Моревъ (спѣшитъ къ окну). Дѣло! дѣло! Я съ удовольствіемъ! (*Оба смотрятъ въ окно, разговаривая*).

VII.

Прежніе. Дядя.

Дядя. Ну! Кажется...

Моревъ (оборачивая голову къ дядѣ). Все обстоитъ благополучно, думаете вы? Какъ нельзя больше!

Ольга (также). И знаете-ли, дядюшка! Я таки права осталась.

Дядя (кивая). Хмъ! Женщины...

Моревъ. Никогда не бываютъ виноваты, хотите вы сказать? Истина, дядюшка, истина!

Ольга. Всему причиной солонка.

Моревъ (перевивая ее). Ужъ онъ слышалъ! Слышалъ! Слышалъ это!

Дядя (садясь къ столу). Однако, что вы тамъ...

Ольга. Что мы у окна дѣлаемъ? Показываемъ людямъ, какъ мы счастливы. (*Обнимаются и продолжаютъ смотреть съ окна, смѣясь и разговаривая*).

Дядя. Вотъ оно что! (*Идетъ быстро на авансцену и обращаясь въ зрители говорить*). Слава Богу! Насилу выдалось времячко, что можно слово вымолвить и сказ... (*Занавѣсъ стремительно падаетъ, прерывая слова дяди*).

10458
7076 18264